

Глава 14. Дерево Фу — это просто дерево

Едва ворота распахнулись, как все почувствовали, что уши заложило, а в груди возникло ощущение сдавленности, будто их резко бросили во что-то грязное и вязкое.

— Быстрее, быстрее, — Лу Цзин в панике достал свои пилюли Покорения чистоты и, словно раздавая конфеты, отсыпал каждому по целой бутылочке бесценных пилюль, созданных самим Королём Медицины. — Ешьте скорее, иначе, если миазмы проникнут в тело, будет плохо!

Цзо Юэшэн взял пилюли и тут же собрался их припрятать.

— Ах ты, жирдяй! — чуть не взорвался от злости Лу Цзин. — Твоя жадность не знает границ! Не хочешь есть — верни!

— У меня и свои пилюли Покорения чистоты есть, сперва съем свои, а потом уже те, что сделал Король Медицины. Это элементарное уважение к небесным сокровищам, — бесстыдно заявил Цзо Юэшэн и действительно достал свою бутылочку.

— Молодой господин павильона, ешьте те, что дал господин Лу, — сказал Лоу Цзян. — Эти миазмы слишком густые и странные, ваши пилюли не помогут!

Пока он говорил, густые чёрные миазмы хлынули с улиц, ведущих к городским воротам. Это был уже не туман, а настоящий прилив. Стены домов, серые черепичные крыши, арки, колонны... высокие и низкие строения были поглощены миазмами, в которых смутно угадывались неясные тени.

С появлением этих теней до ушей всех донеслись скорбные рыдания.

— Что... что это? — дрожа, спросил Лу Цзин.

Его положение было схоже с положением Цю Бодэна.

Великие горы Давэнь, где располагалась Долина Медицины, были полны диковинных цветов и деревьев, и круглый год там порхали бабочки. Он никогда по-настоящему не видел свирепой и жестокой стороны миазмов. Хотя он и сбежал из дома на месяц, в городе Фу тогда ещё не наступил месяц миазмов.

— Мёртвые души и дикие призраки, всякая нечисть.

Лоу Цзян, подумав о чём-то, не просто побледнел, а стал белым как смерть.

— Быстрее! Нужно добраться до телепортационного массива раньше них!

Цю Бодэн бросил на него взгляд, но ничего не сказал.

На этот раз никто не мешкал. Даже Лу Цзин, у которого ноги стали ватными, вдруг обрёл просветление и применил «журавлиный шаг», которому его заставлял учиться старший брат. Он перескочил от неуклюжего подражания к мастерскому исполнению — вот только циркуляция его ци, возможно, была немного неправильной, и бежал он не совсем как журавль.

Скорее, как большая белая утка.

Шух.

Со свистом ветра Лоу Цзян приземлился перед скрытым во дворе домом.

Едва коснувшись земли, он с глухим стуком упал на колени, его лицо стало пепельным. Подоспевшие Цзо Юэшэн и Лу Цзин, увидев его состояние, не успели спросить, что случилось, как заметили, что двор выглядит так, будто его восемьсот раз перепахали быки. Всё было перевёрнуто вверх дном, не то что массива — даже камней от него не осталось.

— Я так и думал... — пробормотал Цзо Юэшэн.

Вероятно, даос Сюаньцин только успел установить массив, как его тут же уничтожили. Весь город Фу превратился в большой кукольный театр, как можно было надеяться, что тебе оставят путь к спасению?

Цю Бодэн, держа фонарь, безэмоционально опустился рядом.

— Всё кончено.

Лу Цзин выдавил улыбку, которая была хуже плача.

— Я клялся, что если мне суждено умереть, то я умру от вина на коленях у красавицы. Не думал, что в итоге умру в компании кучки мужланов.

— Неправильно говоришь, — Цзо Юэшэн чувствовал, как земля уходит у него из-под ног, но всё равно нашёл в себе силы возразить Лу Цзину. — Вина нет, но красавица-то есть. Вот, — он указал на Цю Бодэна, — наша великая красавица Цю. Можешь попросить его исполнить твоё последнее желание.

— Катись.

Не дожидаясь ответа Цю Бодэна, Лу Цзин пнул Цзо Юэшэна.

Цзо Юэшэн взвыл и вдруг заметил, что что-то не так. По идее, если бы он осмелился так шутить над молодым господином Цю, тот бы непременно пришёл и разделался с ним. Но сейчас он стоял тихо, необычайно великодушно.

Он поспешно взглянул на Цю Бодэна.

Цю Бодэн, держа в руке бумажный фонарь, стоял в стороне, опустив голову и сжав губы, о чём-то задумавшись. Красавец, опустивший взор, — даже зная его скверный характер, нельзя было не почувствовать сострадания.

Цзо Юэшэн подумал: «Вот незадача».

Каким бы больным ни был молодой господин Цю, он всё-таки вырос в роскоши и неге школы Тайи. Неудивительно, что он не может смириться с такой мучительной смертью — быть поглощённым миазмами и сожранным сотней призраков.

— Кхм, кхм, — Цзо Юэшэн прокашлялся. Хотя у него у самого дрожали ноги, он попытался утешить Цю Бодэна: — Эх, молодой господин Цю, смерть — это дело такое. Глаза закрыл, открыл — и всё кончено. Быть сожранным живьём призраками из миазмов, конечно, мучительно. Но ничего страшного. Когда миазмы подступят, мы просто заколем себя, и дело с концом. Не бойтесь, я начну первым.

Цю Бодэн бросил на него взгляд, но ничего не сказал.

Наоборот, Лу Цзин, стоявший рядом, расплакался:

— Не могу, я боли боюсь, я не смогу себя заколоть.

— Ничего, ничего, — утешил его Цзо Юэшэн. — Тогда я сначала тебя заколю, а потом себя.

— Тогда возьми этот клинок, у него лезвие хорошее, — Лу Цзин решился и протянул Цзо Юэшэну тонкий, как крыло цикады, клинок. — Бей быстрее.

— Ладно.

Цзо Юэшэн, увидев, что это хороший клинок, с горящими глазами взял его и с готовностью согласился.

— Когда вы успели устроить этот балаган! — Лоу Цзян, оперевшись на меч, поднялся. Он

посмотрел на фонарь в руках Цю Бодэна, затем на кровавое море в небе, стиснул зубы и решительно сказал: — Уходим по небу!

— Ты в своём уме?

Цзо Юэшэн вытаращил глаза, указывая на грандиозную битву в небе.

— Мы что, полетим туда, чтобы стать для них фейерверком, для увеселения?

— Они сражаются, и миазмы рассеялись, образовав брешь, которая не скоро закроется. Если подняться на летающей лодке на большую высоту и лететь по пути, проложенному тем... тем Оракулом, то, возможно, удастся вылететь из города Фу, — пока он говорил, миазмы уже хлынули в их сторону. У Лоу Цзяна не было времени на долгие объяснения, он достал из сумки из горчичного семени маленькую лодочку из белой яшмы. — Времени нет, придётся рискнуть!

Рискнуть, надеясь, что тот «Оракул», из-за Цю Бодэна, отпустит их.

Что до бога войны, призванного даосом Сюаньцином...

Лоу Цзян даже не рассматривал вариант, что такое «вышнее божество» позаботится о жизни нескольких ничтожных муравьёв.

Это же «занебесное» божество. Уже великое счастье, что даос Сюаньцин смог его призвать.

Белая яшмовая лодочка, брошенная Лоу Цзяном в воздух, тут же увеличилась в размерах, превратившись в летающую лодку высотой около трёх чжанов и длиной десять чжанов. У неё был острый нос и длинный корпус, нос и корма были высоко подняты, арка мостика была небольшой, а поперечные рёбра жёсткости располагались очень плотно. По бокам были длинные обтекатели, похожие на крылья сокола, и три паруса, похожие на раковины.

— Это же «Испуганный гусь» моего старика! — увидев эту лодку, Цзо Юэшэн подпрыгнул. — Чёрт, да что с моим стариком не так? Мне он даже дотронуться до неё не давал, а тебе отдал? Бляха, кто из нас его родной сын?!

— Если бы ты каждый раз не разбивал летающие лодки, владыка павильона не отдал бы «Испуганного гуся» мне, — холодно ответил Лоу Цзян, затаскивая всех на борт.

Крылья «Испуганного гуся» затрепетали, белые паруса наполнились ветром, и лодка легко оторвалась от земли.

Как ни «странно», едва «Испуганный гусь» поднялся в воздух, как с высоты донёсся пронзительный скрежет металла, и тут же все увидели, как краснолицый шестиглазый бог

войны в золотых доспехах был сброшен с неба и, словно метеор, рухнул в полях за городом. Тот самый Оракул последовал за ним, перенеся поле боя в миазмы за городом.

— Это он... расчистил нам путь, — пробормотал Цзо Юэшэн.

— Точно, красота туманит разум, — сказал Лу Цзин.

Лоу Цзян был в полном недоумении.

Он изначально думал, что «Оракул», которого пригласил старый городской оракул для поддержки, специально бросил Цю Бодэну фонарь, чтобы защитить его от марионеток, и, вероятно, у него были какие-то связи со школой Тайи. Учитывая эти связи, если они полетят по небу, Оракул, возможно, не станет им мешать, а то и поможет.

Но он не ожидал, что тот, кажется, всё время следил за ними и, увидев, что они собираются лететь, сразу же увёл бога войны на землю.

Это уже не «какие-то связи».

Какие же отношения у этого маленького предка-наставника Тайи с тем человеком? И что значит «красота туманит разум», о котором говорил господин Лу?

Всего лишь полдня он не следил за молодым господином павильона, а событий произошло столько, будто прошло десять лет.

— Я, я! — Цзо Юэшэн, видя, как Лоу Цзян управляет «Испуганным гусем», чуть не истёк слюной от зависти. — Эй, эй, ты так медленно летишь, что пока долетим, всё остынет.

— Я ещё не хочу, чтобы Павильон Гор и Морей развязал войну со школой Тайи и Долиной Медицины из-за того, что «молодой господин павильона разбился на летающей лодке, а все пассажиры погибли»! — безжалостно отрезал Лоу Цзян.

— Вы слышите, — Цю Бодэн, прислонившись к борту, до этого молчавший, вдруг произнёс, — что они поют?

«Испуганный гусь» поднимался всё выше, но голоса с земли всё ещё были различимы.

Целый город, более ста тысяч человек, под предводительством старческого голоса, в одном ритме, одним тоном, пели одну и ту же скорбную песню. Они пели на местном диалекте, и Цю Бодэну было непонятно.

Цзо Юэшэн, прислушавшись, перевёл для Цю Бодэна на общепринятый язык Двенадцати континентов:

— «О, дерево фу, божество, что нас хранит!

Мы жертвуем кровь свою, храни наш город!

Ветер скорбен и горек,

Знаем ли, хранишь нас или нет,

Оттого сердца наши горьки и горьки...»

— Это хвалебный гимн великого жертвоприношения, — услышав половину, Лоу Цзян в ужасе побледнел. — Я знаю, что старый городской оракул замыслил триста лет! Переплавка божества для создания духа! Это переплавка божества для создания духа!

— Он хочет переплавить божественное дерево фу, чтобы выковать... выковать злое оружие!

Услышав слова Лоу Цзяна, Цзо Юэшэн тоже в ужасе изменился в лице.

Лу Цзин посмотрел на него, потом на Цзо Юэшэна, потом на Цю Бодэна. Цю Бодэн сидел далеко от всех, и его выражения лица не было видно, но, скорее всего, он тоже всё понял. Лу Цзин вдруг почувствовал себя единственным дураком на всей лодке и, собравшись с духом, спросил:

— Что такое «переплавка божества для создания духа»? Дерево фу — это же дерево фу, при чём тут злое оружие?

— Ты знаешь, откуда берутся духовные артефакты? — глубоко вздохнув, спросил Лоу Цзян.

Лу Цзин подумал: «Откуда мне знать, я даже “Собрание Чжоу”, которое должен знать каждый начинающий заклинатель, толком не выучил».

К счастью, Лоу Цзян и не ждал от него ответа, он лишь пытался успокоиться:

— Умирая, люди оставляют душу, боги — духа. Большинство божеств, защищающих города, после смерти оставляют частичку своего истинного духа, чтобы продолжать охранять эти земли. Иногда, по счастливой случайности, истинный дух вселяется в какой-нибудь предмет, и тот становится духовным артефактом.

Лу Цзин смутно начал понимать.

— Духовные артефакты сильны, и со временем появились те, кто пошёл по кривой дорожке. Несколько тысяч лет назад в Небесной ремесленной палате появился предатель, который убивал богов, чтобы забрать их дух и насильно выковать злое оружие.

Лу Цзина пробрал мороз по коже. Он резко вскочил и, ухватившись за борт, посмотрел вниз.

«Испуганный гусь» поднимался очень быстро. За несколько фраз они уже оказались выше, чем тогда, когда их несла серая птица. Обзор становился всё шире, и весь город был как на ладони.

Город Фу был похож на серебряное озеро, утопающее в чёрном тумане.

В центре — древнее дерево фу. Его форма напоминала неровный круг, окружностью три тысячи триста сорок девять чжанов. Широкая крона, излучающая слабый свет, покрывала город, словно всё было окутано снегом.

В этот момент тьма хлынула в город с четырёх сторон.

Обычно свет дерева фу был мягким, как тихая вода, как лёгкая вуаль. Но сейчас, в огне, под тихие хвалебные гимны, древнее дерево вспыхнуло ослепительным серебряным светом. Этот свет, словно мириады острых мечей, вонзался в бесконечные чёрные миазмы. Лу Цзин никогда не думал, что дерево может быть таким ослепительным, ослепительным, как звезда!

— Тогда... зачем нужно жертвоприношение? — дрожащим голосом спросил Лу Цзин.

— Растения, ставшие божествами, слабы, как ряска, но жизнь их вечна, как небо и земля.

Ответил Цю Бодэн. Он неизвестно когда встал и подошёл к корме. Ветер трепал его красную одежду.

— Оно прожило слишком долго.

Божественное дерево фу было слабым.

Оно не могло, как Куньпэн или дракон Куй, одним движением хвоста очистить моря и реки. Оно могло лишь стоять на месте, и каждый его лист излучал слабый свет. Миллиарды листьев, миллиарды огоньков — так, собираясь вместе, они, словно снежная вуаль, отгоняли грязные чёрные миазмы.

Божественное дерево фу было сильным.

Куньпэну или дракону Куй отруби голову — и они умрут. Но корни дерева фу простирались бесконечно, накапливая тысячелетнюю жизненную силу. Даже если гроза сломает все его ветви, а небесный огонь сожжёт все листья, оно всё равно сможет возродиться из сухого ствола и пустить новые ростки.

— Чтобы забрать истинный дух дерева фу, есть только один способ, — суставы рук Лоу Цзяна, державшего штурвал «Испуганного гуся», побелели. — Заставить его самого исчерпать тысячелетнюю жизненную силу, заставить его...

— ...самому умереть!

Вот почему тот, кто хотел забрать истинный дух дерева, придумал такой жестокий способ.

Открыть городские ворота в месяц миазмов, впустить нечисть извне, впустить грязь и скверну, искусственно создав катастрофу, способную уничтожить город. А затем, управляя жителями города, принести кровь в жертву и провести самый торжественный ритуал, моля божественное дерево фу спасти город.

— На самом деле, дерево фу может не только отгонять миазмы, но и активно уничтожать нечисть, — хрипло сказал Лоу Цзян. — Но для этого нужна его жизненная сила. Тысяча лет накопления жизненной силы — ради одного мгновения света.

Лу Цзин остолбенел.

Он тупо смотрел на город внизу, на то, как дерево фу обрушивает на тьму со всех сторон свои мечеподобные лучи света, сияя, как звезда.

Сколько бы ни жило дерево фу, сколько у него таких тысячелетий?

А миазмы бесконечны.

— Говоришь, бог, говоришь, дух...

Цю Бодэн тихо сказал мечу Тайи. Меч Тайи мёртвой хваткой держал его, изо всех сил стараясь остановить. На тонком запястье, под почти прозрачной кожей, отчётливо виднелись синие вены, суставы пальцев побелели от холода.

— Это же просто дерево.

Что может понять дерево?

Знает ли оно, что такое ловушка, что такое заговор? Знает ли оно, что человек, заботившийся о нём сотни лет, однажды может исполниться безграничной жадности и жестокости? Не знает! Оно слышит лишь, как люди из последних сил молят его, и потому оно отдаёт все свои силы, чтобы спасти этот город.

Растения неразумны, они не понимают, что сердца людей — это и есть самая страшная нечисть.

Оно просто дерево.

Поэтому оно умрёт.

— Но мне это не нравится, — медленно произнёс Цю Бодэн, и на его лице появилась улыбка. — Либо ты отпустишь, либо я отрублю себе руку.

Лу Цзин смутно расслышал, что Цю Бодэн что-то говорит, и хотел спросить, что именно.

Но, повернув голову, он закричал от ужаса:

— Цю-Цю-Цю-Цю Бодэн! Ты что делаешь?

Красная одежда взметнулась.

Цю Бодэн прыгнул вниз с огромной высоты!!!

<http://bllate.org/book/16967/1583390>